

Андрей Авдей

ОБЯЗАТЕЛЬНО
ВСПОМНЯТ

16+

Андрей Николаевич Авдей

Обязательно вспомнят

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57145581

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04830-0

Аннотация

Эта книга о самых обычных людях, в чьих судьбах история отражена не менее ярко, чем в жизни выдающихся личностей. Собственно, наши предки и не стремились занять место в звездной плеяде творцов истории. Они просто делали то, к чему обязывали любовь к Родине, совесть, долг и честь. Они воевали, с каждым шагом приближая победу в самой страшной и кровопролитной войне. Эта книга – дань памяти и низкий поклон нашим предкам за их мужество, самоотверженность и героизм.

Содержание

От автора	4
Посыльный Степа	6
Друг	18
Дядька Черномор	34
Марш-бросок	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

От автора

Посвящается светлой памяти моих дедов и всем землякам – жителям деревень Тешевле и Шпаковцы (Барановичский район, Брестская область): вернувшимся с войны, погибшим и пропавшим без вести.

Дорогие друзья! Перевернув эту страницу, Вы прочитаете о самых обычных людях, в чьих судьбах, однако, история отражена не менее ярко, чем в жизни выдающихся личностей. Собственно, наши предки и не стремились занять место в звездной плеяде творцов истории. Они просто делали то, к чему обязывала любовь к Родине, совесть, долг и честь. Они воевали, с каждым шагом вперед приближая победу в самой страшной и кровопролитной войне. Эта книга – дань памяти и низкий поклон нашим предкам за их мужество, самоотверженность и героизм.

Сборник рассказов «Обязательно вспомнят» прошел сложный путь, начавшийся с публикаций в интернете и завершившийся книгой. Поэтому выражаю искреннюю благодарность всем участникам, поддержавшим проект по изданию. Без вас идея сборника на бумаге так бы и осталась просто идеей. Отдельное спасибо Шаблинскому Анатолию Александровичу (Воскресенск), в сложный момент подставившего плечо своему бывшему заместителю.

Если у Вас появились вопросы, замечания и пожелания,

Вы можете написать автору:

- основная группа ВКонтакте: https://vk.com/four_ls;
- e-mail: andr080872@tut.by.

Посыльный Степа

Декабрь 42 года, Сталинград.

Непроглядную тьму разрывали сполохи осветительных ракет. Красноармейцы, пристроившись в воронке, пытались дремать, не обращая внимания на редкие щелчки выстрелов и колючий ветер, яростно бросавший щедрыми горстями ледяную крупу.

– Старшина, к ротному, – солдат вкатился в импровизированный окоп и шепотом повторил:

– Старшина, к ротному.

Пожилой боец неторопливо встал, отряхнулся и, поправив что-то под телогрейкой, тихо ответил:

– Иду.

В подвале полуразрушенного дома, освещённые скудным светом коптилки, молча курили несколько офицеров.

– Товарищ... – вытянулся было вошедший старшина.

– Вольно, Семеныч, садись, – ротный добродушно махнул рукой, – давай без церемоний. Как бойцы?

– Нормально, товарищ капитан, – старшина отряхнулся и присел у крохотного огонька, зябко потеряв руки, – холод собачий, но держимся.

– Немчура успокоилась? – ротный протянул подчинённому папиросу.

– Да как же ей не успокоиться, – хмыкнул Семёныч, с на-

слаждением затынувшись, – если мы вчера им так навалили, что драпали быстрее пули.

Раздались приглушённые смешки.

– Что разведка? – ротный внимательно смотрел на разложенную карту.

– Подтвердила скопление сил, где мы и думали. Эх, нам бы туда «бога войны»¹ да на часик... – старшина вздохнул.

– Посыльные так и не дошли? – капитан вновь закурил.

– Шестерых отправил, командир, ни один не вернулся, там и мышь не проскочит.

– А проскочить надо, старшина, кровь из носа, но надо, – капитан дернул ворот гимнастерки, – день, ну два мы тут ещё продержимся, а потом – сам знаешь, перебыют.

– Перебыют, товарищ капитан, патронов-то у нас мало, гранат осталось – котёнок наплакал, а танки, сами знаете, рядом, если попрут на нас – раздавят, – Семёныч аккуратно затушил окурок.

– А они попрут, старшина, может, уже завтра.

– Так точно, товарищ капитан, мы им тут, как кость в горле, – согласно кивнул боец.

– Кого отправишь? – ротный внимательно посмотрел на освещаемое сполохами лицо подчинённого. – Ты пойми, я не приказываю, я прошу.

– Степу, – твердо ответил старшина.

– Степу? – удивленно переспросил офицер.

¹ «Бог войны» – артиллерия

– Так точно, товарищ капитан, если он не пройдёт, то никто не сможет. Значит, судьба нам такая Богом дана – помереть тут.

– А он сможет? Тут разведчики погибли, – не выдержал молчавший до этого один из офицеров, – а ты Степу хочешь отправить.

– Товарищ лейтенант, – старшина повернулся к взводному, – а у нас есть варианты? Положим всех парней, а толку ноль будет. А Стёпка шустрый, глядишь, и проскочит.

– Он же твой воспитанник, любимец всего батальона, не жаль отправлять на смерть?

– Командир, – Семёныч вытянулся, – выбора нет, жаль мне его, душа болит, но иначе никак.

Офицеры тактично промолчали.

– Что так нам смерть, что так, – продолжил старшина, – а Стёпка везучий: помните, как под танком проскочил?

– Помню, ну что ж, удачи вам обоим, – ротный пожал крепкую руку старшины и тихо повторил, – удачи.

Когда Семёныч вышел, взводный задумчиво затянулся:

– Не знаю, может, он и прав, но мне кажется, что это ненормально.

– А что на войне нормального есть, лейтенант? – ответил ротный.

– Значит, наши жизни зависят от Стёпы?

– Значит, да, лейтенант, – ротный ещё раз посмотрел на карту и повторил, – значит, да.

– Степа, Степа, ты где, – тихий шёпот старшины разбудил красноармейцев.

– Степа!

– Семёныч, дай поспать, – недовольно пробурчал один из них, – шастает он где-то, как обычно, может, звездами лубуется.

– Почему отпустил? Сколько раз вам, остолопам, говорить, присматривайте за мальцом. Стёпа, идрит твою в ненаглядную, ты где, чтоб тебя.

– Не шуми, – в воронку бесшумно скользнула тень, – дядь Вань, что ты бушуешь?

– Я тебе дам, бушуешь, – Семёныч легонько отвесил подзатыльника, – где пропадал? Снайперы кругом, да мало ли, пуля шальная и все.

– Что – всё? – Степа усмехнулся. – Меня так просто не подстрелишь.

– А ты не кичься, не кичься, ишь, моду взял хвалиться.

– Совсем рехнулся, – глядя на две фигурки, скрючившиеся в воронке, прошептал проснувшийся красноармеец, – ты ему ещё два наряда объяви вне очереди, – и, поплотнее закутавшись в шинель, боец снова задремал.

– Дядь Вань, ну не ругайся. Что случилось? – Степа внимательно посмотрел на своего командира.

– Задание для тебя есть, малец, важное задание, если ты не справишься – все здесь сгинем, как пить дать, – Семёныч

непроизвольно погладил воспитанника по голове.

– Без нежностей, – Степан с достоинством отстранился, – что за задание?

– В батальон доставить записку с донесением: через квартал отсюда немцы технику собрали, никак, атаковать будут. Здесь, – старшина показал на листок, – координаты, если наши накроют артиллерией, то будем жить.

– А если нет... – Степа внимательно посмотрел в глаза командиру.

– А если нет, – Семёныч, оглянувшись, перекрестился, – не будет нас, никого.

И задумчиво повторил:

– Никого.

– Понятно, дядь Вань, готов к выполнению задания, – Степан шутливо вытянулся, – ай, щекотно!

– Потерпи, Степка, закреплю гильзу покрепче, ты же, голова еловая, ещё потеряешь.

– Старшина, да ты что... да я...

– Цыц, – громкий шепот Семёныча остановил начавшуюся было речь, – сказал, закреплю, значит, замри и не шевелись.

– Есть замереть!

– Вот и молодец, – старшина ещё раз посмотрел Степана, – штаб батальона найдёшь, не маленький, и сразу к комбату, ясно? От тебя, Стёпка, теперь все мы зависим, не подведи.

– Не подведу, дядь Вань, обещаю.

Старшина дернулся и крепко прижал к себе воспитанника:

– Береги себя, Степка, очень прошу – береги. Ну, с Богом.

– Только не крести меня, поймут неправильно, или вообще не поймут, – Степан хмыкнул. – Не волнуйся, дядь Вань, скоро увидимся. – И, подмигнув напоследок, посыльный растворился в декабрьской ночи.

«Так, пойдём короткой дорогой или в обход», – слившись с землёй, Степан внимательно осмотрелся, – «кажется, тихо».

«По прямой – могу нарваться на собак, эти твари меня учуют за километр. А в обход – минное поле. И те же собаки могут быть. Принесла ж их нелёгкая, а наши и не знали. Вот так и погибли, один за одним, все посыльные».

Степан вздохнул.

«Хорошие были мужики, светлая им память».

Вдалеке фыркнула осветительная ракета.

«Пора».

Аккуратно прокравшись под колючей проволокой, Степан резко вскочил и в два прыжка влетел в окно полуразрушенного здания.

«Кажется, получилось. Отлично, вот здесь мы и сократим».

Затаившийся на втором этаже немецкий снайпер, напряжённо вглядываясь в темноту, не заметил, как в паре метров

от него, не дыша, прокралась юркая тень.

«Есть».

Ещё один бесшумный прыжок вниз и...

Злобное рычание, казалось, заставило вздрогнуть даже колючий ветер.

Степан повернул голову. Овчарка. Она его почуяла, и залилась торжествующи хриплым лаем.

Через минуту раздались команды, лязг оружия, вспыхнули лучи прожекторов, с шипением взлетели осветительные ракеты.

Степа слился с землёй и застыл.

«Если начнут прочесывать с собаками, мне хана».

Натасканные псы, натянув поводки, обнюхивали каждый метр земли.

Луч прожектора ударил по глазам.

Лай приближался.

«Всё, кранты».

Старшина напряжённо вслушивался, всё было тихо.

«Может, проскочил».

Неожиданно раздалась хлесткая очередь, со стороны немцев вспыхнули прожектора, взлетели осветительные ракеты.

«Неужели заметили?».

Бойцы проснулись и, высунувшись из воронки, смотрели вперёд.

– Старшина, не волнуйтесь, Степка же фартовый, он про-

скочит, – молодой красноармеец пытался успокоить командира, – его немчура ни в жизнь не поймает, правда, мужики?

Солдаты согласно загудели.

– Тихо! – Семёныч поднял руку, – слышите?

Все замолчали, стараясь расслышать сквозь свист ветра...

Расслышать что? Выстрелы, глухие разрывы, команды?

Издали ел доносился... лай. Собаки.

– Всё, пропал наш Степка, – прошептал красноармеец.

Бойцы, стараясь не смотреть на старшину, склонили головы.

Семёныч снял шапку и заплакал.

От лая звенело в ушах.

Та самая, в этом Степан был абсолютно уверен, овчарка тащила хозяина к затаившемуся посыльному, который, уже мысленно попрощавшись с Семёнычем, готовился подороже продать свою молодую жизнь.

Но зрение человека не такое зоркое, как у собаки, а обоняние – тем более, поэтому немецкий солдат, не видя ничего впереди, что-то громко крикнул и потянул упирающегося пса в другую сторону. Тот, бешено рыча, пытался сорваться с поводка и броситься на Степу. Но прозвучала ещё одна резкая команда и лай стал удаляться.

«Пронесло».

Посыльный осторожно поднял голову и осмотрелся: поднятая по тревоге группа немцев была уже метрах в двадцати

правее.

«Вперёд».

Степан пополз. До позиций наших было около километра. Огибая заледеневшие трупы, куски колючей проволоки и горы гильз, посыльный внимательно прислушивался – но было тихо. Значит, повезло. Пока повезло.

Иногда казалось, что спину буравит собачий взгляд. Словно учуявший его пёс не мог простить того, что добыча ускользнула так легко.

Эти ненавидящие глаза подстегивали ползти ещё быстрее.

Степан понимал – вторая встреча с псом станет для него последней.

От пронзительного взгляда заболел затылок.

Посыльный замер и прислушался. Тихо. Только свистит ветер и где-то вдалеке глухо зарычал танк.

Зарычал?

Пес явно убежал, чтобы рассчитаться со своей ускользнувшей жертвой.

«Вперёд!»

Он вскочил и, не скрываясь, огромными прыжками, как заяц, рванул к позициям батальона.

Пес бросился вдогонку.

– Что там такое? – Командир батальона вышел из блиндажа. – Часовой!

– Я, товарищ майор, – вытянулся красноармеец.

– Откуда шум?

– Непонятно. Вроде, собака лает, гонится за кем-то!

– Ракету!

– Есть!

Раздался хлопок, и через несколько секунд командир батальона и вышедшие офицеры увидели, как в паре сотне метров, заливаясь яростным лаем, прямо на них несётся огромная овчарка. Она явно кого-то преследовала, но кого – видно не было.

– Что за... – пробормотал замполит и потянулся к кобуре, – немецкая, бешеная что ли? Может, пристрелить её, а, комбат?

– Кого же она гонит? – Майор пытался рассмотреть что-то впереди.

– Комбат!

– Стреляй, не спрашивай, только аккуратно, ракету!

Майор ещё раз посмотрел вперёд и, чертыхнувшись, вернулся в блиндаж.

Сердце вырывалось из груди, а в голове билась только одна мысль – «только бы успеть».

Он не видел, как вспыхнула ракета, он не видел выглядывающих из окопа офицеров, он чувствовал только полный животной ненависти взгляд, прожигающий затылок.

Ещё несколько метров, и резко вправо.

Степан скатился в воронку, не касаясь земли, оттолкнулся

и выпрыгнул. Пес, вскочивший вслед за ним, на секунду замешкался.

«Быстрее!»

Сухой звук выстрела и надрывный собачий вой.

Не оглядываясь, посыльный прыгнул в окоп и, едва не сбив часового, влетел в блиндаж.

– Степка? – Комбат поднял голову. – ты как здесь оказался?

– Так вот кого овчаркой гнали, комбат, – замполит внимательно посмотрел на посыльного, – а это что у нас?

Тяжело дыша, Степан молча смотрел на офицеров, изучающих записку из гильзы, сил не осталось даже на обычный кивок.

– Радист!

– Я, товарищ, майор.

– Срочно передать на батарею координаты, огонь по готовности.

– Есть!

– Товарищ старшина, товарищ старшина!

– Чего тебе, – командир посмотрел на красноармейца.

– Это наши, артиллерия, слышите?

Семёныч вскочил и выглянул из воронки: там, где разведка обнаружила скопление техники, полыхало зарево разрывов.

– Значит...

– Я же говорил, что нашего Степку не поймать! – солдат рассмеялся. – Даже собаками не поймать.

– Ну, герой, – офицеры присели перед посыльным, – за такой подвиг тебе и ордена не жаль, только не дадут нам тебя наградить, сам понимать должен – не положено.

Степан тяжело вздохнул.

– Я, товарищ майор, тут берёг на всякий случай, – замполит протянул жестяную банку со свастикой на крышке. – Это, конечно, не орден, но...

«Сливки?»

– Пить ты не пьёшь, – усмехнулся комбат, – поэтому тебе деликатес трофейный, ну а нам с замполитом спирта по такому случаю наливай.

Тихо звякнули кружки.

– За тебя, герой.

Ответом было громкое урчание.

Изредка вздрагивая ухом, из миски самозабвенно лакал сливки огромный, пушистый черный кот Степа.

Друг

Июль 41 года.

– Танки!

– Приготовиться!

В окопе раздалась щелчка затворов, тихое звяканье бутылок с зажигательной смесью и сдержанный мат. Солдаты молча смотрели вперёд. Танки шли спокойно, словно сознавая свою неуязвимость перед парой десятков грязных, измученных непрерывающимися боями, бессонницей и голодом бойцов.

Три бронированных коробки, изредка лениво ворочая башнями, неспешно целились и стреляли, методично уничтожая всё, что считали помехой на своём пути. Затарахтел пулемёт, ему лихорадочно вторили сухие винтовочные выстрелы, раздавались приглушённые команды.

Александр прислушался и потряс головой.

«Наверное, почудилось», – подумал он.

Однако сквозь грохот разрывов вновь пробился тот же непонятный звук.

«Мины, что ли... Только странные они. Да нет, это просто в ушах звенит».

–..ф – прорвалось сквозь шум боя и лязг гусениц.

«Да что такое, с ума я схожу, что ли?»

–..аф.

«Твою...», – солдат выглянул и замер: метрах в сорока от позиций, возле неподвижного мохнатого холмика суетился маленький щенок.

– Тяф, – прорвалось сквозь разрывы.

«Наверное, мать его там убитая лежит. Эх, танком же раздавит».

Солдат пробовал свистнуть, но пересохшие губы не слушались. Щенок бегал вокруг убитой матери, периодически тыкаясь в неё носом, будто не веря, что остался совсем один на этом страшном поле.

«Пропадёт ведь», – с тоской глядя на приближающийся танк, подумал Александр.

На секунду бойцу показалось, что маленький бедняга обреченно и с тоской смотрит прямо в глаза, словно понимая, что скоро он навсегда исчезнет под ненасытными гусеницами.

«Была не была», – солдат выскочил из окопа и, петляя, бросился вперёд.

– Кудыть, кудыть, чтоб тебя, смерти хочешь? – раздалось из окопа.

Не обращая внимания на крики, прыжками, виляя и уворачиваясь, как заяц, Александр подлетел к щенку и, схватив его, скатился в воронку. Над головой злобно просвистела очередь.

Спрятав дрожащий комок под гимнастёрку, солдат вжался в землю и, замерев, прислушался к приближающемуся ляз-

гу гусениц. Грохот раздавался совсем рядом, сверху посыпалась земля, и многотонная махина накрыла собой воронку.

«Держись, малыш», – подумал Александр. – «Выберемся, не впервой».

Разочарованно вздохнув по ускользнувшей жертве, танк рывкнул и двинулся вперёд. Через несколько минут раздался звон разбитого стекла, выстрелы, потянуло гарью.

«Пора».

Выскочив из воронки, преодолев расстояние в несколько прыжков и миновав дымивший танк, он свалился в окоп.

Улыбнувшись, солдат встал и тут же был свален мощным ударом огромного кулака:

– Ты что творишь, итить тебя в душу! – пожилой сержант навис над Александром. – Жить надоело? Ты чего под танк кинулся с голыми руками? Вставай, чтоб тебя.

– Да ладно, Петренко, – добродушно пробурчал подошедший лейтенант, – сейчас спросим, что случилось.

В окопе наступила тишина, изредка прерываемая далёкими выстрелами: все с интересом прислушивались к разговору.

Вытирая разбитые губы, боец вытянулся и доложил:

– Товарищ лейтенант, виноват, не удержался, спасти хотел, жалко стало, маленький ведь он совсем.

– Кто? – Сержант недоумённо посмотрел на солдата.

Офицер, судя по удивлённому лицу, был озадачен не меньше.

– Вот, – красноармеец раскрыл гимнастёрку, и на командиров глянула собачья мордашка:

– Тяф!

– Тяфу ты, тут люди как мухи гибнут, а он собаку спасать полетел. Чем кормить его будешь? Учти, ни крошки не дам, а НЗ тронешь... – и мозолистый кулак вновь закачался перед носом.

– Придумаю что-нибудь, – Александр улыбнулся.

– Тяф, – подтвердил щенок.

– Придумает он, – Петренко повернулся к командиру. – Товарищ лейтенант, ну что за бисов сын, прости меня Господи, всё норовит смерть за усы подёргать! Эх, молодёжь, молодёжь.

– Не бурчи, сержант, может, так и должно было быть, – лейтенант улыбнулся и повернулся к солдату. – Как назовёшь?

– Друг, товарищ лейтенант.

– Друг?

– Тяф, – под гимнастёркой радостно завилял хвостик.

– Значит, Друг, ну что ж, Петренко, из моего пайка выдели там что-нибудь, поставим на довольствие бойца, – и, погладив щенка, командир пошёл дальше по окопу.

– Будет сделано, – вытянулся сержант и, наклонившись к Александру, прошептал: – Потом подойди, есть у меня банка трофейного чего-то, вроде как съедобное, скормишь своему охальнику.

– Спасибо!

– Тяф!

– Идите вы, оба, – и, бурча что-то под нос, Петренко двинулся вслед за лейтенантом.

Три года спустя.

– Друг, снайпер!

Огромная овчарка рывком метнулась в сторону и затихла в выемке окопа.

– Вот это да! – рассмеялись красноармейцы.

– А вы думали? – Александр свистнул, и пёс мгновенно оказался рядом. – Он о налётах предупреждает, начало атак чувствует. Не собака, а талисман ходячий. А кто-то мне за него губы разбил, правда, товарищ старшина?

– Идите вы, оба, – хмыкнул Петренко, – а вмазал я тебе тогда за дело, жалею вот, что мало.

– А сейчас почему не можете, – молоденький солдатик осторожно погладил Друга.

– Дак нельзя теперь, это в 41-м он пацаном был, а сейчас героем стал: истребитель танков, орденосец, и защитник рядом видали какой – руку откусит и не заметит, – огромный кулак дружески ткнул в грудь Александра, тихо звякнули награды.

– Тяф, – напомнил о себе пёс.

– Помню, помню, что обещал, держи вот, – Петренко что-то протянул и Друг удовлетворённо задвигал челюстями.

– Балуете вы его, товарищ старшина, – опять вмешался неугомонный солдатик.

– А как не баловать, почитай, всю войну с ним прошагали, от Минска до Москвы и теперь вот снова до Минска, всегда рядом. Мы с Сашком ему жизнью не раз обязаны были.

– Перед боем нам говорит, выживем мы или нет, – вмешался Александр.

– Это как? – заинтересованные красноармейцы со всех сторон обступили боевую тройку.

– Смотрите, – солдат присел перед псом: – ну что, мохнатая морда, скоро бой?

– Тяф!

– Танки будут?

– Тяф!

– А самолёты?

Пес молча смотрел на хозяина.

– Не будет? Это хорошо, – молоденький солдатик вздрогнул, – боюсь я, когда они с неба падают, кажется, будто прямо в душу прямо целятся, сволочи.

– Друг, а Никита, – Петренко кивнул в сторону бойца, – выживет в бою?

– Тяф, – радостно завилял хвостом пёс.

– А я? – вмешался другой красноармеец.

– Тяф.

– Ну, а я? – Александр ласково почесал Друга за ухом.

Пес легонько зарычал.

– Что такое? – солдат присел и посмотрел в глаза собаке. –

Выживу?

Друг виновато отвёл взгляд в сторону, тихо поскуливая. Все замерли.

– Так, а ну, – старшина потрепал мохнатого сослуживца, – не хоронить никого раньше времени. – Дружок, скажи, а ты сам вернёшься из боя?

Пёс прижал уши и зарычал громче.

– Эй, да что с тобой такое сегодня? – Александр хотел было погладить Друга, но тот отскочил и залился лаем.

– Старшина, – солдат повернулся к Петренко, – помните, что это значит?

– Помню сынок, помню. Взвод, к бою, танки!

– Так нет их нигде, – раздался недоуменный голос.

– Мать вашу, я сказал, к бою, подготовиться, – Петренко рывкнул так, что некоторые пригнулись.

– Смотрите, – молоденький боец показал рукой вправо: из-за пригорка лениво выползали бронированные коробки.

– Раз, два, три... восемь, девять, Мать Божия, да сколько их.

– ПТР², на позиции! – Александр схватил ружье:

– Ну, с Богом, Друг, пластом, за мной.

² ПТР – противотанковое ружье, предназначенное для поражения броневой техники противника. Эффективный огонь по бронетранспортерам и легким танкам можно было вести с расстояния 150 – 200 метров. Фактически, стрелки ПТР были «смертниками», наравне с пулемётчиками, которых танки противника и снайперы старались поразить в первую очередь.

И они выползли из окопа.

Огромный кулак разжался и перекрестил скрывшихся за бугорком солдата и пса:

– Храни вас Господь, – тихо прошептал Петренко.

– Вы верите в Бога, товарищ старшина? – неугомонный солдатик удивлённо посмотрел на командира.

– Я очень хочу верить, что он есть, сынок, и что он сейчас там, – ладонь показала вперёд, где шевелились две еле различимые фигуры. – А ещё я хочу верить, что он пришлёт парочку сорокапятков, пока нас тут не раздавили.

– А почему не стреляет? – боец расширившимися глазами смотрел на приближающийся танк. – Метров сто осталось, не больше. Тяжеловато ему без напарника с этой машиной справляться.

– Напарник у него видел какой, лучше любого человека, а Сашок опытный, не бойсь. Танк-то не лёгкий, сходу не возьмёшь, вот в смотровую щель и целится, чтобы наверняка, – Петренко не отводил взгляда от позиции своего подчинённого.

– А если промажет?

– Типун тебе на язык, – тяжёлая ладонь отвесила подзатыльник бойцу.

– Ну а если?

– Тогда – смерть, – прошептал старшина.

Раздался сухой щелчок: танк, проехав пару метров, неожиданно стал поворачиваться.

– Попал, попал, бисов сын, – Петренко радостно хлопнул по плечу стоявшего рядом красноармейца, – а теперь меняй позицию, быстро!

Словно услышав приказ командира, фигурка ползком стала перемещаться левее, зоркий взгляд мог различить еле уловимые очертания собаки, крадущейся за хозяином. Раздались автоматные очереди, уничтожившие выбиравшийся экипаж.

– Товарищ старшина, товарищ старшина, – прошептал солдатик.

– Ну что тебе ещё, готовься пехоту отсекать, а не меня дергать.

– Нет, вы посмотрите, там.

– Что там за..., – Петренко осекся, – Господи, спаси их. Гранаты мне, быстро!

Меняя позицию, Александр с Другом не могли заметить того, что происходило за подбитым танком. А оттуда выехал второй, явно прикрывшийся обездвиженным товарищем. И этот второй видел, как на ладони, две ползущие фигурки. Петренко, схватив связку гранат, рывком выбросил себя из окопа и лихорадочно пополз вперёд.

– Только бы успеть, – шептал он, – только бы успеть.

Башня повернулась в сторону солдата и собаки, на секунду застыла, словно оценивая свои шансы и... резко хлестнула пулемётной очередью, вслед за ней рывкнула пушка. Собачий визг на секунду заглушил звук разрыва.

Старшина приподнял голову: танк уверенно двинулся вперёд.

– Раздавить их хочет, – прохрипел Петренко, – не успею, держитесь, сынки.

Он вскочил и, пригнувшись, побежал.

– Тихо, Дружок, тихо, – лежа в воронке, Александр одной рукой гладил собаку, а второй пытался навести ПТР. – До свадьбы заживёт, кусок уха – не страшно, главное, что сам цел, правильно?

– Тяф!

– Вот и умница, а теперь – снайпер!

Пес вжался в землю.

– Молодец, – солдат посмотрел в прицел и тут же отпрянул от взметнувшихся рядом фонтанчиков. – Хитрый, гад, из пулемёта лупит, ну ничего, мы сейчас.

Танк, не сбавляя скорости, шёл прямо на них.

Щелчок.

Ничего.

– Спокойно, спокойно, – шептал Александр, – остановим мы тебя.

Щелчок. Второй.

Он уже видел грязь на гусеницах, танк неумолимо приближался.

За спиной раздалось глухое рычание.

– Лежать, – не оборачиваясь, скомандовал солдат.

Щелчок.

Ничего.

– Хана. Друг, назад, быстро!

Сменил обойму и, уже не скрываясь, целился в громыхающую коробку, до которой оставалось не более двадцати метров. Щелчок. Торопливая очередь в ответ. Страшная боль в ногах. И громкий залиvistый...

– Друг?

Справа от танка, хрипло лая, стоял пёс. Бронированное чудовище, не сбавляя скорости, лениво повернуло башню, застрекотал пулемёт, но пес уже с другой стороны бросался на борт, словно пытаясь остановить смерть, распахнувшую его хозяину свои холодные объятия.

– Друг, Друг, назад! – из последних сил Александр прицелился и выстрелил.

Пулемёт, захлебнувшись, замолк.

– Друг, назад!

Башня, не обращая внимания на пса, повернулась...

– Друг!

– Друг, назад! – рывкнуло с другой стороны.

– Старшина? – солдат не поверил своим глазам.

Огромную фигуру не узнать было невозможно. Щелчок. И тут ожил пулемёт, щедро наградивший Александра новой порцией дикой боли. Как в тумане, он видел взмах старшины, взметнувшиеся вокруг него фонтанчики земли, прыжок в сторону пса. Грязные гусеницы, казалось, грохотали в

нескольких сантиметрах от лица. Взрыв, лязг металла, хлесткая очередь и предсмертный собачий визг слились в единый гул.

– Друг... – прошептал Александр и провалился в темноту.

Два месяца спустя.

– Получается, они тебя спасли, – седой солдат протянул собеседнику самокрутку.

– Получается, так, – Александр отвернулся к окну.

– Ты кури, сынок, кури, и не надо стесняться, слезы мужчину не позорят, помни о них и гордись.

– Я их никогда не забуду, – он подтянул к себе костыли. – Когда выпишут, попрошу отпуск, съездить хочу туда. Выйду я, развеюсь немного.

– Давай помогу, Сашок.

– Ты как старшина сказал, – улыбнулся Александр. – Он нас с Другом и сынками называл, а в 41, когда я щенка вытащил, так мне вмазал, неделю потом губами шлёпал.

– Я сейчас вам обоим тряпками по губам шлепну, не посмотрю, что раненые, – в палату вошла пожилая женщина. – Ишь, накурили.

– Валентина, не бушуй, – добродушно усмехнулся седой.

– Не бушуй, не бушуй, сюда комдив идет, а у вас дым коромыслом. Марш по кроватям.

– Слушаюсь, товарищ командир, – хором гаркнули солдаты.

– Как дети малые, – женщина улыбнулась. – Вот пожалуй-
юсь начальству на вас, живо порядок наведут.

– И наведём, – в дверях показался статный генерал сред-
них лет и успокаивающе махнул рукой, – лежите, лежите.

– Здравия желаем, товарищ генерал.

– И вам того же. – не по уставу ответил комдив и присел
у кровати Александра. – Как здоровье, герой?

– Спасибо, товарищ генерал, поправляюсь.

– Вот это правильно, вот это нужно. А чтобы ты поскорее
выздоровел, – генерал повернулся к стоявшему врачу, – Ви-
талий Андреевич...

Тот передал небольшую коробочку.

– Приказ читать не буду, мы не на плацу, скажу своими
словами. За подбитый вражеский танк, за мужество и геро-
изм ты награждаешься орденом Славы, третья степень у тебя
уже есть?

– Так точно.

– Вот, чтобы не скучно ей было, вторую повесишь рядыш-
ком, – генерал улыбнулся и пожал солдату руку. – Поздрав-
ляю.

– Служу Советскому Союзу, – Александр сделал попытку
привстать.

– Лежи, герой, лежи. Жалобы, пожелания есть?

– Товарищ генерал, можно мне после госпиталя отпуск,
хоть пару деньков?

– Зачем тебе отпуск? – комдив посмотрел на врача, тот

кивнул. – Отвоевал ты своё, так что вылечишься – и домой.

– А разрешите не сразу.

– Первый раз вижу солдата, который не торопится на родину. Валентина Сергеевна, – комдив повернулся к санитарке, – вы видели такое?

– Так у него же, сыночка, все слышали, история какая была, – женщина промокнула платком набежавшие слёзы. – Целыми днями только и говорит, чтобы назад вернуться, на могилу командира своего.

– И, может, похоронить, – сглотнув, с трудом добавил Александр. – Может, найду его.

– Кого? – комдив искренне удивился.

– Друга. Это пёс, на моих руках вырос, – каждое слово давалось с огромным трудом. – Он со старшиной спасли меня... тогда... а мы вместе три года... Да я бы всё отдал, чтобы... чтобы они сейчас живы были.

Все замолчали, тишина нарушалась только всхлипываниями пожилой санитарки.

– Странная история, – хмыкнул генерал, – неправильная она какая—то.

И, повернувшись к двери, крикнул:

– Младший лейтенант!

– Мало я тебе тогда вмазал, – Александр не поверил глазам: огромная фигура заполнила весь проём. – На мою могилку он собрался, бисов сын.

– Старшина, – костыли грохнулись на пол, – старшина, вы

живы!

– Младший лейтенант, – не скрывая слез, пробурчал Петренко и крепко обнял своего солдата, – живой я. Врачи запретили к тебе приходить, пока ты совсем слабый был, а меня после ранения списать хотели, так вот уговорил товарища генерала хоть при штабе оставить. Как же вас одних оставить-то, опять куда-нибудь встрянете.

– Вас?

Ответ был заглушен громким лаем: в палату влетел, сшибая всё на своём пути...

– Друг, Друг, – Александр, не веря своим глазам, обнял собаку, – Дружочек! Но как, я же видел, вы погибли...

– Ничего ты не видел, – лейтенант вытер слезы. – Я метнул гранаты, а Друг сразу в сторону отскочил, меня зацепило маленько, ну и у собаки бок прихватило осколком, тут пушки подоспели. В общем, нас троих мои парни и вынесли. А в медсанбате Друга как бойца настоящего лечили, всё залатали, ухо только порвано осталось, но это ерунда, правда?

– Тяф!

– Вот и ладненько, – генерал встал. – Вы тут пообщайтесь, а мне пора. Да, совсем забыл, – он присел перед псом:

– Гордишься хозяином?

– Тяф!

– А Петренко?

– Тяф!

– Ты у нас настоящий боец, правда?

– Тяф!

– И все так думают. Наши умельцы из рембата специально для тебя постарались. Виталий Андреевич... – генерал повернулся к врачу и тот протянул небольшую коробочку...

Солнечным сентябрьским днём по перрону вокзала медленно, опираясь на костыль, шел молодой солдат. На выгоревшей гимнастерке тихо позвякивали два ордена Славы. Рядом аккуратно переступал лапами огромный пёс с порванным ухом, его грудь украшала висевшая на серой с синими полосами ленте медаль с гордо сияющими словами: ДРУГУ ЗА ОТВАГУ.

Дядька Черномор

«...И очутятся на берегу,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря...»

По лесной тропинке, взявшись за руки, шли молодая женщина с сыном.

«... Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор...»

– А почему Черномор?

– Потому что жил он со своими витязями в Черном море. Устал? – женщина погладила вихрастую голову. – Давай немного передохнём.

Они поставили полные грибов лукошки, и присели на поваленное дерево.

– Значит, – не унимался ребёнок, – он моряк, как наш папа?

– Да, Максимка, как наш папа, – она украдкой вздохнула и добавила, – такой же высокий, сильный и добрый.

– А Черномора все боялись?

– Нет, его боялись только злые и недобрые люди, которые делали плохо другим.

Ребенок задумался:

– А когда придёт папа, немцы испугаются и убегут из деревни?

– Конечно, все до одного, – улыбнулась женщина.

– И наш сосед дядя Петя?

– Самый первый, потому что...

– Он предатель и называет меня отродьем, – закончил Максим.

– Не слушай его, он сам не понимает, что говорит, – она крепко обняла сына. – Всё будет хорошо. Пойдём?

– Мам, смотри, там что-то есть!

Женщина не успела оглянуться, как сын вскочил и бросился к росшим неподалеку кустам можжевельника.

– Максим! – забыв о лукошках, она побежала за ним.

– Ты где?

– Максим!

– Я тут!

– Вот непоседа.

Облегченно вздохнув, она подошла и взяла его на руки.

– Мам, смотри, – ребёнок показывал в сторону.

– Что ты там увидел, пойдём до... Наши?

Неподвижные кочки, кажется, немного смущённо зашевелились, затем одна из них что-то пробурчала и, тяжело вздохнув, встала, превратившись в огромного военного в маскхалате.

Он приложил палец к губам.

– Говорите спокойно, – женщина улыбнулась. – В лесу

немцев нет. Они дальше деревни ходить боятся.

Раздался тихий свист, и ожили остальные кочки.

Максим во все глаза смотрел на рослых, как на подбор, красноармейцев.

– Вы кто?

– Мы? – первый знакомый вытянулся и, подмигнув, отпартовал. – Капитан Дядька Черномор и витязи, мы пришли...

– Выгнать всех немцев? – закончил ребёнок.

– Так точно, – кивнул офицер, – всех до одного, вместе с дядей Петей.

– Дождались, – женщина опустила сына на землю и заплакала. – Наконец-то дождались.

– Как вы тут? – их окружили бойцы. – Трудно было?

– По-всякому, кому-то трудно, кому-то легко. В страхе жить – это не немцам сапоги лизать.

Максим, замерев от счастья, смотрел на настоящих солдат с самыми настоящими автоматами. А ещё и гранаты. Ух, никто из друзей не поверит!

– Мы слышали разговор, вы о соседе? – спросил один из разведчиков.

– О нём самом, местный, соседи говорили, и до войны непутёвым был, а как пришла новая власть – в полицаи подался, ходил гоголем. Сейчас, правда, притих: знает – скоро расплата.

– А можете нам сказать, где? – начал было командир груп-

пы.

– Могу показать на карте, – предложила женщина.

Глядя на удивленные лица бойцов, она рассмеялась:

– Муж говорил, что жена офицера просто обязана уметь стрелять из пистолета, оказывать первую помощь и знать основы топографии. Да и пединститут за плечами, я до войны учительницей работала.

– А здесь как оказались? – спросил один из бойцов, доставая карту.

– В июне сорок первого приехали с сыном погостить к свекрови. Думали, на месяц, а вышло... Смотрите, они здесь, здесь и здесь, а это – развалины бывшего помещичьего дома, от нашего сарая метрах в ста, к ним овражек заросший идет... Максим, ты опять за своё, отпусти.

Ребёнок, виновато опустив голову, разжал руку. Получивший свободу уж мгновенно скрылся в кустах можжевельника.

– Спасу нет, – шутливо вздохнула женщина, – постоянно с мальчишками прибегают сюда.

– Они же не ядовитые, – начал было Максим, но увидев, что оказался в центре внимания, тут же забыл об ужах и дернул командира за маскхалат:

– Мама говорила, что Черномор живёт в море, а ты в лесу прячешься, значит, ты ненастоящий?

– Самый настоящий, вот смотри, – и, раздвинув китель, капитан показал сверкнувшую под ним тельняшку, – теперь

веришь?³

– Ага, – Максим взял моряка за руку, – тогда пойдём.

– Куда?

– Как куда, немцев выгонять.

– Ишь, шустрый какой, – офицер присел перед ребёнком и улыбнулся. – Ты вначале расскажи, как нас заметил, а, глазастый?

– Это военная тайна, – подмигнул Максим.

– Не расскажешь?

– Неа.

– Молодец, – похвалил капитан, – значит, и о том, что нас видел, молчок. Никому, даже друзьям. Это наша с тобой военная тайна, договорились?

– Договорились, а пароль?

Разведчики рассмеялись.

– Пароль, Максимка, «Черномор». Если вдруг что-то случится, сразу кричи пароль.

– И вы придёте?

– Мы прибежим, малыш, мы прибежим, очень быстро.

– Командир, – прошептал один из разведчиков, – как думаешь, сдадут или нет? Мало ли, в оккупации жили.

– Эти не сдадут, – глядя вслед женщине с сыном, усмех-

³ Во время войны из моряков формировались стрелковые подразделения (роты, батальоны, полки и дивизии), передаваемые впоследствии в распоряжение действующей армии. Поэтому встретить красноармейца с тельняшкой под гимнастеркой можно было практически повсеместно.

нулся капитан, – они наши. И всё-таки, как пацан нас обнаружил, есть мысли?

Бойцы молча пожали плечами.

В хате вкусно пахло жареной картошкой и грибами. На печи спал Максим, рядом, нагло раскинув лапы, тархтел кот. Аккуратно, чтобы не разбудить, женщина достала из-под головы сына книгу:

«...море вдруг

Всколыхалось вокруг,

Расплескалось в шумном беге

И оставило на бреге

Тридцать три богатыря;

В чешуе, как жар горя...»

Она улыбнулась, вспомнив встречу в лесу. В окно требовательно постучали.

– Кого там нелёгкая несёт на ночь глядя... – недовольно пробурчала свекровь.

– Принимай гостя, Семёновна!

– И не спится же ироду, чтоб ему пусто было, – шепнула женщина и, перекрестившись, пошла открывать.

В дом, стуча сапогами, ввалился средних лет мужчина в грязной телогрейке и замызганной белой повязке на рукаве⁴. Без приглашения усевшись за столом, он смачно отрыгнул:

– Не нальёшь ли гостю дорогому, хозяйка?

⁴ Отличительный знак полицейав

– Дороже некуда, – Семёновна поставила на стол стакан и неполную бутылку мутного самого. – Что надо?

– Да вот, – почесав голову, хмыкнул визитер, – иду мимо, дай, думаю, забегу, спрошу про жите-бытье. По-соседски. Ваше здоровье.

– Ишь, сосед мне выискался.

– Ох, – старательно занюхивая рукавом, закашлялся полицейский, – забористая у тебя самогонка, хозяйка. Катерина, присаживайся, давай вместе выпьем.

– Я не пью, – тихо отозвалась невестка.

– Канешна, вы ж, мать вашу, культурные, образованные, интеле..интелихтенцыя, – пьяные глаза налились злобой, – я вас мог вот так!

Кулак стукнул по столу.

– Тише ты, разорался, внук уснул, разбудишь.

– Но не сделал, – понизив голос, продолжил полицейский, – жалел, и пацана вашего жалел, и тебя, Семёновна, и невестку. А почему! Потому что сердце имею. Думаешь, по головке поглядят в комендатуре, если узнают о том, что она жена офицера Красной Армии. Ваше здоровье.

– Петя, Петя, – подперев голову, свекровь смотрела прямо в глаза, – и до войны ты трусом был, и сейчас такой. Думаешь, не знаю, что тебе надо? Боишься ты, кары боишься за дела свои.

– И боюсь, да только не одному мне бояться надо. Катерина, неси стаканы и садись за стол! Уважь люд простой!

– Иди, Катенька, иди, – позвала свекровь.

Невестка молча поставила стаканы и присела.

– Ну, – наливая самогон, просипел полицай, – давайте, в последний раз.

– Крайний, – тихо поправила Екатерина.

– А я говорю, последний, – мотнул головой гость, – и для меня последний, и для вас. Будем.

Когда дверь с грохотом захлопнулась, Семёновна посмотрела на невестку:

– Вот что, дочка, бери Максимку и марш в сарай ночевать. Лето на дворе, не замёрзнете. А в сене, даст Бог, не заметят.

– Что вы такое говорите?

– А ты, Катенька, не понимаешь? Петя хоть и пьяный, но зря языком молоть не будет, – и, промокнув платком глаза, свекровь продолжила, – бери внука и уходи.

– Командир, – в овраг ввалились двое бойцов, – деревня оцеплена.

– Собираются сжечь, – скрипнул зубами офицер, – радист!

– Я!

– Связь быстро!

– Есть.

И, повернувшись к разведчикам, спросил:

– К развалинам подбирались?

Сна не было. В ушах звучали пьяные выкрики полицаев:

«для меня последний, и для вас» и слова свекрови: «Петя хоть и пьяный, но зря языком молоть не будет». Сухой выстрел разорвал предрассветную тишину. Она вздрогнула и прильнула к щели между досками.

«Господи, неужели?».

По деревне шли немцы. Остановившись у первой калитки, один из них что-то крикнул стоявшим рядом полицаям и те, выполняя команду, бросились в дом. Через минуту двор заполнился криками и плачем: полусонных людей без церемоний вывели на улицу и, подталкивая прикладами, погнали вперёд. Запахло дымом.

– Командир, началось, – прошептал один из разведчиков.

– Приготовиться.

Следующая калитка... Крики, голодный треск огня. Дым. Она бросилась к сладко посапывающему сыну.

– Максимка, просыпайся, Максим!

– Мам, – ребенок повернулся на другой бок и сделал попытку уснуть.

– Вставай, вставай, мой хороший! Тебе нужно бежать.

– Куда бежать, – спросонья он не понимал, почему мама так встревожена, – а где бабушка?

– Сынок, слушай меня внимательно, – женщина раздвинула доски. – Здесь не высоко, прыгай и оврагом беги напрямиком к развалинам, там Черномор.

– Откуда ты знаешь?

– Я не знаю, – она с трудом сдерживала слёзы, – но я очень хочу в это верить.

– Мама, а ты?

Раздался стук калитки.

– Быстрее, прыгай.

Она поставила доски на место и спустилась по лестнице вниз.

– А я-то думаю, с чего бы только старуха в доме, – дверь хлева распахнулась. Вчерашний гость пьяно осклабился и, схватив женщину за руку, вытолкал во двор.

– Пошла.

– Семёновна, с тебя магарыч за находку!

Стоявшие вокруг полицейские расхохотались.

– Черти в аду пусть тебе наливают, – свекровь обняла невестку и посмотрела в глаза.

Та незаметно кивнула.

– Ах ты, держите их... – и полицейский побежал за сарай, – стой, отродье!

Щёлкнул затвор винтовки.

– Пустите нас!

– Стоять!

– Черномор! – донёсся детский голос.

– Командир.

– Вперёд.

– Черно...

Выстрел.

В стелющемся дыму мелькнули огромные тени.

– Пустите!

Резкий удар по голове.

Два дня спустя.

В хате вкусно пахло жареной картошкой и грибами. На печи, нагло раскинув лапы, тарахтел кот. Свекровь, стоя на коленях перед иконами, тихо молилась.

«...море вдруг

Всколыхалось вокруг,

Расплескалось в шумном беге

И оставило на бреге

Тридцать три богатыря;

В чешуе, как жар горя...»

Екатерина открыла глаза. У окна, в не по росту большой тельняшке, вслух читал сказку о царе Салтане...

– Мама, ты очнулась, – отбросив книгу, он бросился к кровати и крепко её обнял, – мама.

– Максимка, – не веря своим глазам, она крепко прижала сына.

– Всё хорошо, доченька, попей, – подошедшая свекровь протянула кружку.

В окно тихо постучали.

– Открой, внучек.

Ребёнок бросился к двери:

– Черномор!

– Добрый день. Принимайте гостей, хозяева!

В дом вошли командир разведгруппы с бойцами.

– Иду мимо, дай, думаю, забегу со своими витязями, спрошу про житье-бытье. По-соседски, – улыбнулся офицер и, подойдя к Екатерине, спросил: – Как вы?

– Всё хорошо, только голова болит. Расскажите, что было? Я ведь слышала выстрел и крик оборвался.

– Мама, я же кричал пароль, вот Черномор и спас, – вмешался ребёнок.

Все рассмеялись.

– И стрелял не полицейай, – добавил командир. – Ну а дальше – ничего интересного. Всё как обычно.

– Спасибо вам, – прошептала Екатерина.

– Так, дочка, нечего плакать, радоваться надо, – перебила свекровь, – может, к столу?

Она посмотрела на разведчиков.

– Спасибо за приглашение, но нам некогда, – развёл руками офицер, – зашли ненадолго, попрощаться.

– Храни вас Господь, – Семёновна перекрестила разведчиков.

– Спасибо на добром слове, – ответил офицер и присел перед Максимом: – Ну а теперь, глазастый, откроешь тайну? Как ты нас заметил?

– Мы с мальчишками часто бегали туда ужей ловить, их в можжевельнике знаете сколько?

– А при чём здесь ужи? – капитан пожал плечами.

– Эх, дядя, дядя, – хмыкнул ребёнок, – всё просто, сколько раз ни был, никогда я там таких больших кочек не видел. Вот.

В наступившей тишине раздалось сдержанное хмыканье. Командир растерянно оглянулся: его разведчики, стараясь не расхохотаться, один за другим выскакивали за дверь.

Марш-бросок

(Все совпадения имён, событий, фактов не случайны)
– Смирно!

Ровные ряды застыли, как изваяния. Тишину нарушали лишь полощущиеся на ветру знамёна. Яркое солнце отражали начищенные бляхи на груди замерших солдат.

На вершину холма вышли двое. Первый, невысокий пожилой генерал, морщась, опирался на трость, второй – смуглый подтянутый мужчина в строгом чёрном костюме. По тому, как генерал уважительно пропустил гостя вперёд, все отлично поняли, что перед ними стоит очень важная птица.

Смуглый кивнул генералу, и тот, прокашлявшись, обратился к строю:

– Солдаты Рейха! Я, обергруппенфюрер Эйке, счастлив приветствовать доблестных воинов СС. Сегодня вас ждёт, возможно, самое тяжёлое испытание: марш-бросок в условиях абсолютно незнакомой местности, насыщенной ловушками, засадами противника и минными полями. В конце маршрута – река. Победителем считается тот, кто, пройдя препятствия, переплывёт ее и выйдет на другой берег. К сожалению, в соответствии с правилами, нельзя озвучить приз, но поверьте мне, что даже я завидую тому, кто победит.

На лицах солдат и офицеров засияли улыбки.

– Победить будет очень тяжело, – продолжил генерал. –

Вместе с господином, э-э-э... – он повернулся к смуглому.

– Просто инспектором, – мягко улыбнулся гость.

– Мы вместе с господином инспектором будем наблюдать за ходом учений отсюда, общая протяжённость маршрута всего лишь три километра. Но не думайте, что впереди лёгкая прогулка. Чтобы вы прочувствовали уровень сложности, я вкратце познакомлю вас с основными правилами.

– Итак, всем выдано другое оружие, причём никто не знает и не имеет права знать, исправно оно или нет, какими снаряжено боеприпасами: боевыми, холостыми, либо бракованными с осечкой. Обстановка полностью будет соответствовать фронтовой: противник вооружён и очень опасен, к встрече с ним вы должны быть готовы каждую секунду. Зазевавшиеся, само собой разумеется, в лучшем случае будут ранены, в худшем – убиты. Повторяю: учения абсолютно реальные, поэтому потери неизбежны. Погибший не имеет права носить гордое звание военнослужащего войск СС, но я верю, что вы, мои орлы, с честью пройдёте через все испытания, и на другом берегу реки я с гордостью буду жать руки элиты войск Великой Германии, хайль Гитлер!

– Зиг хайль, – громыхнул в ответ слаженный рев сотен мужских глоток.

– А сейчас, – генерал достал ракетницу и поднял вверх, – красная ракета означает сигнал к началу учений. С Богом, мои рыцари!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.